

С.И. Баранова

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОСКОВСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ИЗРАЗЦА

Статья посвящена проблеме генезиса московского изразца, в том числе попыткам проследить раннюю традицию изделий, зачастую не имеющих твердой атрибуции, функциональной характеристики и даты, но, несомненно, связанных с русским изразцом. Их изучение показало, что генезис московского изразца обладает значительной, более столетия, протяженностью, с конца XV до начала XVII в., и является не прогрессивно-эволюционным, но импульсивным процессом.

Ключевые слова: изразец; генезис; терракота; глазурь.

В середине XIX в., в эпоху закрепляющегося в общественном сознании историзма, интерес к национальному наследию обрел черты научного подхода, а изразец был осознан как одно из самобытных проявлений русской средневековой культуры. С начала изучения русского изразца появились первые рассуждения о его генезисе, в которых часто встречается упоминание о западных корнях русского изразцового искусства. Так, в 1874 г. об изразцовом декоре Крутицкого теремка писали следующее: «Что изразцы не все в Москве деланы, об этом и говорить нечего; на некоторых из них встречаются даже чисто западные украшения: лапы с мечами, личины зверей, никогда не встречавшихся в русских орнаментах и, напротив того, характерные для чисто-западного орнамента XVI века» [1. С. 35]. Близка этому и оценка немецкого автора XIX в.: «Русская керамика находится в зависимом положении от немецкой. <...> Немецкие гончары работали как в самой России, так и для нее; немецкие печные изразцы послужили образцами, правда значительно огрубленными для орнамента» [2. С. 145].

Отдельные попытки обратиться к истории русского изразца с оценкой его генезиса наблюдаются на протяжении следующего столетия, но они зачастую носят противоречивый характер. В 1926 г. в ходе дискуссии о происхождении древнерусских изразцов на заседании ученой комиссии «Старая Москва» были высказаны полярные мнения, например, А.М. Васнецова: «На Западе изразцы появились через Россию, которая получила их с Востока», и одного из крупнейших исследователей русского изразца А.В. Филиппова: «У Востока не учились ничему. Все восточные глазури щелочные, у нас свинцовые» [3. Л. 38].

Сегодня эта тема приобретает все большую полноту в работах исследователей, а для обсуждения привлекается несравненное по богатству обилие фактов из малоизученных музейных собраний, археологических отчетов, сводов европейских изделий¹. Это связано и с раскрытием потенциала изразца как исторического источника, позволяющего по-новому взглянуть на данное уникальное явление русской культуры и его эволюцию [10], особенно ярко проявившегося в Москве.

Нельзя утверждать, что Москва уникальна как производственная зона, в которой шла апробация новых технологий и форм в области изразцового дела, единственный центр индукции для всей Руси. Наряду с ней такими центрами были в более ранние периоды Псков, а также Смоленск и, вероятно, подобные ему пограничные с Литвой города, где усвоение импульсов было обеспечено уже сложившимся гончарным производством, а местные гончары, занятые в производстве бытовой керамики, накопили технологический опыт. Однако именно московские изразцы стали одной из знаковых, универсальных черт культуры Московского государства эпохи его высшего расцвета.

Все русские изразцы Позднего Средневековья можно разделить на две функциональные группы: первая традиционно именуется архитектурной, вторая – печной и строительной. Следует иметь в виду, что подобное деление весьма условно, поскольку обе группы представляют собой часть единого производственного и строительного комплекса. При этом, если печные изразцы достаточно часто встречаются в фасадном убранстве, то архитектурные значительно реже, скорее случайно, попадали на поверхность печей. Можно, однако, выделить универсальные изделия, одинаково популярные и в печном, и в архитектурном варианте.

Конкретно-исторические формы бытования обеих групп были связаны с определенным течением событий раннего этапа развития московского изразца: последовательными и яркими в социокультурном отношении эпизодами введения изразца как статусного элемента в декор монументальных объектов (с конца XV и до начала XVII в.); историей применения глазури для производства керамики; формированием устойчивой традиции использовать изразцы как конструктивный и демонстрационный элемент печи (с конца XVI в.). Развитие этих трех конкретно-исторических форм и позволило родиться и развиваться изразцу как характерному явлению московской культуры.

Первый известный, давно привлекавший внимание и поэтому довольно подробно описанный эпизод – распространение в конце XV – начале XVI в. рельефных терракотовых плит. С некоторой осторожностью можно назвать эти терракотовые, не имеющие румпы пли-

ты – самые ранние образцы керамического архитектурного декора Московской Руси – изразцами². Они, как правило, связаны с конкретными памятниками, воспринимаются как реплики резного белокаменного (и керамического, западноевропейского по происхождению) декора и поэтому хорошо датируются (рис. 1).

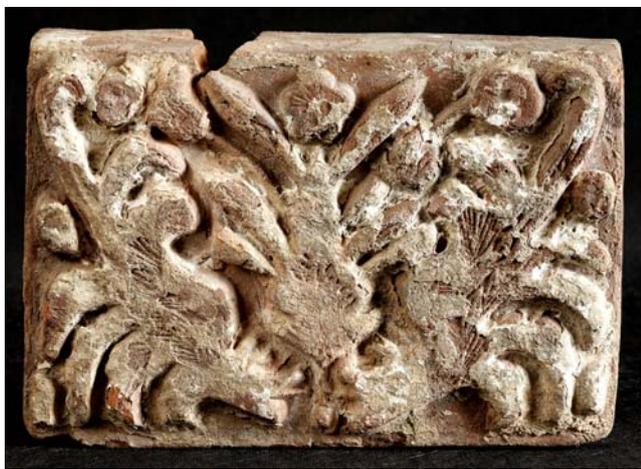

Рис. 1. Плита терракотовая. 1547 г. Из церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Медведевой Пустыни. Собрание МГОМЗ

Рис. 2. Изразцы поливные из декора собора Покрова на Рву в Москве. 1561 г., частично XVII в. Собрание МГОМЗ

Декор русских, главным образом московских (подмосковных), плит схож с терракотовым декором зданий Милана, Павии, Сиены, Феррары и Болоньи, что проявляется в деталях – фризах, оформлении проемов, порталах. Можно говорить о сложившемся в Московской Руси в конце XV в. новом виде декора, впитавшем в себя черты итальянского Ренессанса. Что немаловажно – через довольно узкое «окно», «прорубленное» благодаря приезду итальянцев, Россия поднялась на новую ступень в своем сближении с европейской культурой.

По последним данным, терракотовые рельефные пояса в Московской Руси датируются не позднее чем серединой XVI в.³ Это обусловлено прежде всего изменениями общего стиля архитектуры, в котором объединились две тенденции – новейшая «ренессансная» и архаизирующая «домонгольская». Ни для той ни для другой знаменитые рельефные трехрядные пояса, знак-детерминатив раннемосковского зодчества, не характерны.

Второй эпизод связан с появлением глазурованной (поливной) керамики на Руси. С исчезновением терракотовых фасадных плит расширяется круг случаев, связанных с экспериментами – другое слово здесь подобрать трудно – адаптации техники глазури к архитектурным деталям. Хорошо известная на Востоке поливная архитектурная керамика совершенно отсутствовала в средневековой Москве, имевшей прочные связи с миром ислама, хотя поливные гончарные изделия привозились с Востока и были известны москвичам.

Однако у московских поливных изразцов были другие предшественники. Это первые керамические поливные плитки, которые появились в Киевской Руси в X–XII вв. [13. С. 34]. Наряду с мозаичными наборами они использовались для облицовки полов, а иногда и стен, в богатых жилищах. Из Киева производство поливной керамики распространилось по территории Древней Руси; она применялась всеми архитектурными школами домонгольского периода.

Глазурованную керамику широко использовали в строительном деле псковские мастера, опередившие Москву в ее производстве почти на полтора столетия. Глазурованные плитки изготавливались в Пскове уже с конца XV в., а в XVI–XVII вв. в слободах Псково-Печерского монастыря существовало хорошо налаженное производство керамических надгробий, что могло быть результатом тесных политических и торговых связей Пскова с западными странами [14. С. 21–25; 15; 16].

А.В. Филиппов еще в 1915 г. отмечал, что глазуровка, или муравление, глиняных изделий в Московской Руси началось в XVI в., с появлением поливных изразцов на шатре Храма Василия Блаженного в Москве и на Борисоглебском соборе в Старице [17. С. 3]. Почти одновременное появление поливных изделий на фасадах собора Покрова на Рву (1561) (см. рис. 2) и Борисоглебского собора в Старице (1558–1561)⁴ до сих пор остается загадкой, привлекающей постоянное внимание исследователей [17–19]. Три близкие по характеру рельефные керамические иконы сохранились на стенах Успенского собора в Дмитрове (начало XVI в.): круглое изображение «Чуда святого Георгия о змие» и два «Распятия». Как предполагают архитекторы М.Б. Чернышев и В.В. Кавельмахер, эти уникальные изделия также происходят из древнего Борисоглебского собора в Старице, после разборки которого они были перевезены в Дмитров [20]. Основанием для такого предположения послужила гипотеза А.В. Филиппова о

едином происхождении старицкой и дмитровской керамики.

Во время археологических работ на территории Московского Кремля в 1995–1998 гг., при исследовании остатков комплекса Великокняжеского дворца, включенного ныне в состав Большого Кремлевского дворца, были обнаружены фрагменты орнаментальных изразцов из светлой глины, покрытых прозрачными глазурями желтого и зеленого цветов. Они являлись элементами архитектурного декора дворцового комплекса середины XVI в. (в 1547 г. дворец восстановили после пожара). Изразцовые детали представляют собой фрагменты профилированного антаблемента с рельефным растительным орнаментом ренессансного характера, который выполнен уверенной рукой опытного мастера. По-видимому, они составляли керамические рамочные оконные наличники в южной части дворцового комплекса [5, 6]. Находки отличает значительное сходство со старицкой керамикой.

Можно лишь предполагать, что в Москве 1550–1560-х гг. существовала, пусть недолго, «государева» керамическая мастерская, располагавшаяся в Кремле, в которой керамика для Великокняжеского дворца была изготовлена по старицким формам. С этой мастерской, однако, трудно связать керамику собора Покрова на Рву – между этими поливными изделиями нет никакого сходства. Возможно, это были две мастерские, где работали иностранцы, владевшие техникой изготовления поливной фасадной керамики. Каково было их происхождение, сказать трудно, однако здесь следует видеть вторую после 1480–1530-х гг. волну итальянского влияния – именно в Италии XVI в. особое распространение получила глазурованная керамика, причем выполненная из глины светлого обжига и покрытая свинцовой глазурью. Возврат строителей Москвы к итальянизирующему языку построек эпохи Василия III, наблюдающийся в 1550-е гг., связан, вероятно, со строительством собора Покрова на Рву. Можно предположить, что его строительство стало катализатором нового освоения итальянских форм в московском каменном зодчестве.

Недостаточный размах в то время в Москве производства глазурованной керамики, связанный с дороговизной используемого сырья и, возможно, со смертью или отъездом мастера, видимо, заставил завершить первый этап эксперимента по включению изразцов в фасады зданий – в XVI в. мы более не видим поливного декора. Это может быть связано как с реальным прекращением строительства, так и с неполнотой наших знаний об этом периоде (в последние годы эта лакуна постепенно заполняется). Но с середины XVI в. заказчики уже не теряли интереса к многоцветным керамическим элементам зданий, и вскоре можно будет наблюдать некоторые весьма неожиданные и нетрадиционные для русского строительства решения. Например, использование в тимпанах кокошников церкви Троицы в селе Хорошеве (1597–1598), вотчине Бориса

Годунова, «изникских» (произведенных в г. Изник – знаменитом центре турецкой художественной керамики) фаянсовых блюд с яркой многоцветной росписью. Этот прием, неизвестный в русской архитектуре, родился в Италии эпохи готики и Ренессанса и широко применялся по всему Средиземноморью [7], в том числе в поздних и поствизантийских монастырях.

Другие примеры использования изразца в убранстве зданий Москвы XVI в. пока неизвестны. Зато постепенно накапливаются отдельные находки, помогающие преодолеть известную дискретность истории русского изразца в XVI в., которая представлена тремя-четырьмя сохранившимися зданиями [21]. Эти находки относятся к малым архитектурным формам, т.е. к печам. Их отсутствие в материалах XVI в. давно вызывает вопросы, поскольку изразцовые печи широко известны в Европе, по крайней мере, с XIII–XIV вв., так что есть все основания ожидать спорадического их появления в Москве того времени.

Обозревая формирование традиции использования печных изразцов, нельзя не отметить серию не выходящих за хронологические рамки XV–XVI вв. изделий, близких по типу к изразцам, не имеющих твердой атрибуции, функциональной характеристики и даты, но, несомненно, связанных с русским изразцом раннего периода. Речь идет о периоде, материал которого специально не систематизировался вследствие малочисленности древнерусских аналогов, а их атрибуция опирается в первую очередь на датировку слоя (сопутствующий материал, стратиграфию) и на постепенно складывающееся представление о стилистике и характере рельефа. Эту группу артефактов можно назвать «плитки с рельефом», функция которых до конца не определена: плитка из раскопок в Зарядье [22. С. 41]; из собрания МГОМЗ (рис. 3) [23. С. 43], серия плиток, найденных на территории московской Гончарной слободы в 1992 и 1997 гг. Поиски аналогов изображений на некоторых из них, например грифона, приводят к изображениям, в изобилии встречающимся на европейских плитках и изразцах⁵.

Отметим, что появление на Руси ранних керамических изделий с не вполне объяснимой функцией характерно не только для Москвы. В Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике хранится около 200 красноглиняных предметов, стратиграфически датированных концом XII–XV вв. Предполагается, что «эти предметы, использовавшиеся тем или иным образом в печах другого типа и имевшие отличную от изразцов форму и декор, могут быть определены, по всей видимости, только как “протоизразцы”» [25. С. 8]. Скорее всего, они были сделаны по западным образцам – как и первые печные изразцы, пришедшие в Московию с Запада.

На Западную Русь изразцы, самыми ранними из которых являются «горшковые» с цилиндрической румпой и круглым устьем, попали, как полагают многие исследователи, из нижней Германии – родины печного

изразца. Примером наиболее ранних и близких Московии экземпляров таких изделий являются полоцкие сосудобразные высокие изразцы с круглым устьем⁶. Уже в XV в. горшковые изразцы стали постепенно вытесняться изразцами нового типа – с румпой коробчатой формы.

Рис. 3. Плитка керамическая. Москва. XVI в. Собрание МГОМЗ

Таким образом, ранние печные изразцы в Москве должны были быть, по аналогии с Европой, горшковые. Конечно, период бытования в Москве горшковых изразцов мог быть непродолжителен, и поэтому их трудно обнаружить. В 2003 г. при раскопках в Зачатьевском монастыре в Москве были найдены фрагменты красноглиняного бело-ангобированного сосуда с ажурно прорезанной по-сырому заглушкой [8], стратиграфически датируемые концом XV – серединой XVI в. По форме находки сопоставимы с некоторыми типами изразцов с ажурными решетками-заглушками, известными в Западной Руси значительно раньше (рис. 4). И все же случаи обнаружения артефактов, трактуемых нами как горшковые и тарелкообразные изразцы, пока спорны и единичны.

Рис. 4. Фрагменты изразца (?). Москва, Зачатьевский монастырь в Москве. XVI в. Раскопки экспедиции ИА РАН в 2005 г. под руководством Л.А. Беляева

С большим основанием к эпохе XVI в. можно отнести «красные» московские изразцы, указывающие на широкое распространение в городе достаточно примитивных по устройству печей так называемого готического типа (рис. 5). История красных изразцов полна белых пятен, а их визуальные характеристики и символика если и прочитаны, то не до конца понята. «Немногословность» красных изразцов отмечали многие исследователи. А.В. Филиппов писал: «Датировка красных изразцов представляет ряд трудностей, так как, во-первых, они в своей массе не связаны с определенными, датированными памятниками архитектуры и в большинстве являются более или менее случайными археологическими находками, а во-вторых, древние письменные источники почти ничего не говорят об этих изделиях» [14. С. 63].

Рис. 5. Изразец печной красный. Москва. Начало XVII в. Собрание МГОМЗ

Археологи находят красные изразцы в культурных слоях разного времени, в том числе и XVII в. [31]. Археолог Р.Л. Розенфельдт, разработавший типологию изображений на красных изразцах, относит их к XVII в. [32. С. 58–68]. Н.А. Бакланова, основываясь на анализе документов XVI–XVII вв., отрицает наличие собственного изразцового производства в Москве вплоть до XVII в. [33]. Большинство исследователей сходится в том, что первые московские красные изразцы могли появиться в относительно спокойный период в истории русского государства – последние годы XVI в. Особенно обнадеживают недавние находки, сделанные в ходе археологических раскопок под руководством Н.А. Кренке (Институт археологии РАН) на Романовом дворе на Никитской улице в Москве [34]. Главным итогом работы экспедиции стала фиксация находок красных изразцов в слоях, относящихся к концу XVI в.

Интересно отметить, что технологически красные изразцы гораздо проще, чем можно было бы ожидать. Их уровень очень далек от неоднократно демонстриро-

ванного в XVI в. качества, которое подтверждало несомненное знакомство московских гончаров со всем спектром технологий производства изразцовых изделий, в том числе поливных. Вспомним, что среди «предшественников» красных изразцов есть изделия гораздо более совершенные и сложные: вставки собора Покрова на Рву и церкви Сергия Радонежского в Богоявленском монастыре в Кремле, фасадные изразцы Большого Кремлевского дворца, керамические иконы Старицы и Дмитрова.

Можно ли считать такой поворот событий регрессом, вызванным полным затишьем после бурного всплеска 1550–1560-х гг.? Растянувшийся более чем на полстолетия перерыв можно объяснять по-разному, в том числе уменьшением крупного строительства в период Ливонской войны, последовавшей разрухой, отъездом старых и трудностью привлечения новых мастеров⁷.

Однако для обеспечения повседневных потребностей москвичей возможностей Гончарной слободы, видимо, хватало, и в момент распространения спроса на красные изразцы, в основном печные, местные керамисты смогли ответить на вызов времени. Однако нельзя думать, что московские гончары ввели «моду» на новые типы изразцов самостоятельно. За вспышкой частных заказов стоит распространение нового типа печи – более крупной, чем раньше, сложенной из кирпича и следовавшей правильной форме. Такая печь (вне зависимости от определения ее как «позднего готической» или «ранней ренессансной») была сложной конструкцией и прошла долгий путь развития. Ее внезапное появление и быстрое распространение свидетельствуют о переносе из Европы на Русь готовой системы «печь с облицовкой», типологически примыкающей к архитектуре западноевропейских печей, с последующей апробацией и адаптацией к местным условиям. Важная деталь этой картины – активное и окончательное внедрение изразцов в частное жилище. Скорее всего, такие печи в домах у «знатных и богатых» москвитов увидел в 1608 г. Петр Петрей [37. С. 6]. Но как они выглядели, точно не известно, так как ни одной такой печи не сохранилось⁸.

Таким образом, вопрос о комплексах печных изразцов второй половины XVI в. остается открытым, но эпизодическое появление в Москве печей с горшкообразными или красными коробчатыми изразцами, по крайней мере, очень вероятно. С большой определенностью можно говорить о ранних печах готического типа в Кремле, по крайней мере, в эпоху правления первого царя из династии Романовых. Оставшиеся от них изразцы, правда, не «красные» в буквальном смысле слова (они даже не из красножгущейся глины), но тип печи (или печей), которой они принадлежали, несомненно, готический – в печном наборе присутствуют изразцы-перемычки, повторяя обычный витой орнамент, так же как его повторяют прочие типы: растительный орнамент городков, изображения двуглавых

орлов в круге стенных изразцов и т.д. Этот набор найден в середине 1990-х гг. во время натуральных исследований у северного корпуса Великокняжеского кремлевского дворца. Изразцы выполнены из светлой глины и покрыты прозрачной глазурью. Эти дорогие «орлистые» печи, по мнению исследователей, были выложены для царя Михаила Федоровича в конце 1620-х – 1630-е гг. Видимо, они простояли недолго и погибли во время пожара, о чем свидетельствует местами сильная оплавленность глазури [6] (рис. 6).

Трудно говорить об узких датировках и о самом существовании печного изразца до конца XVI в. Видимо, в течение примерно столетия мастера уже пытались применить те виды изразцов, которые были в состоянии произвести для повышения уровня комфорта интерьеров (полы, ранние формы облицованных печей, возможно, части стен) и статуса построек в целом (прежде всего, конечно, это декор фасадов). Судя по всему, это были именно опыты, причем обычно связанные с импульсами, получаемыми извне. Массовое производство первых печных изразцов не сложилось, но, возможно, они предварили производство красных печных изразцов и почти одновременное им, но значительно меньшее по масштабам изготовление глазурованных белоглиняных изразцов кремлевских комплексов.

Рис. 6. Изразцы печные поливные. Московский Кремль. Первая треть XVII в. Найдены в ходе натуральных исследований в 1995–1998 гг. группой специалистов ЦНРПМ под руководством Б.Л. Альтшуллера и С.С. Подъяпольского

Видимо, существовал период, когда изразцы попадали в Москву и на Русь с западных и юго-западных территорий эпизодически, время от времени, хотя до сих пор не ясно, какими путями. Скорее всего, не через импорт готовых изделий, а благодаря приезду мастеров, располагавших технологией, инструментарием, а возможно, и формами для оттиска изразцов. Яркий пример – события середины XVI в., связанные с созданием керамических икон Старицы и Дмитрова и фа-

садных изразцов Большого Кремлевского дворца. «Рас-творяется», исчезает и другая мастерская с собственным почерком, существовавшая почти одновременно и выполнявшая заказы на изразцы для собора Покрова на Рву и церкви Сергия в Богоявленском монастыре в Московском Кремле, не имеющие какого-либо сходства с изделиями «кремлевской мастерской», работавшей для Старицы и Дмитрова. Наблюдается ряд попыток внедрения изразца в культуру Москвы, которые выглядят цепочкой разрозненных событий или даже сравнительно длительных и широко представленных исторических эпизодов, также, однако, замкнутых в своем кругу и не получающих продолжения, не выходящих за определенные временные рамки.

Поэтому серия эпизодов, характеризующих новые запросы и отвечающие им приемы (появившиеся на месте или импортированные) – при полном или почти полном отсутствии их дальнейшего развития, – не представляется случайной, «фоновой» для Москвы. В момент, когда сложатся благоприятные условия для более широкого распространения изразцов в среде московского городского населения, возникнет немедленная реакция, которая вызовет к жизни первый и самый яркий, самый активный, действительно региональный эффект массового производства. Эта ясно различимая стадия тиражного производства изразцов не в порядке индивидуального заказа, не для конкретного здания, а «на рынок» – этап господства на Руси «красных изразцов».

Генезис московского изразца обладает значительной, более столетия, протяженностью, с конца XV до начала XVII в. Процесс был не прогрессивно-эволюционным, но импульсивным и, тем не менее, демонстрировал неуклонное стремление москвитов овладеть технологией и художественной формой европейской фасадной терракоты и майолики. Эта серия непродолжительных, не связанных друг с другом и не получивших развития, но ярких в социокультурном отношении опытов введения фасадной декоративной керамики как статусного элемента в монументальные и бытовые объекты в итоге привела к постепенному превращению изразца в устойчивый элемент национальной культуры. Предпосылками к этому стала организационная и технологическая готовность гончарного производства Москвы к удовлетворению возникавшей потребности в принятии двором и Церковью элементов «культурного кода» городов Европы.

Интерес к фасадной керамике возродится в Москве только в 1630-е гг. (церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове). Завершает ранний период появление ключевого сооружения XVII в. – церкви Троицы в Никитниках, на фасадах которой использованы рельефные многоцветные изразцы, обозначившие начало нового периода (1634–1650-е гг.). Намечившаяся к середине XVII в. линия использования цветных вставок из поливной керамики уже не угаснет как прежде, но будет продолжена «золотым веком» русского изразца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди исследователей можно назвать Ю.М. Овсянникова [4], Г.С. Евдокимова, Е.И. Рузаеву, Д.Е. Яковлева [5, 6], Л.А. Беляева [7, 8], Вл.В. Седова [9].

² В.П. Выголов прямо называет их изразцами [11].

³ Список памятников, декорированных терракотовыми плитами, опубликован [12. С. 36–42].

⁴ В начале XIX в. храм был разобран, но две керамические иконы из него разместили на стенах нового Борисоглебского собора, построенного в 1820-е гг.: на южном фасаде – «Распятие» (143×74 см), на восточном – «Спас Нерукотворный» (126×122,5 см).

⁵ Это один из самых распространенных персонажей немецкого «кафельного» bestiaria, имеющий множество вариантов [24].

⁶ Были обнаружены П.А. Раппопортом при изучении княжеского дворца XII в. (первая изразцовая печь из деревянной пристройки к кирпичному зданию дворца датируется 1304 г.) [26–28]. Более поздние горшковые изразцы были найдены, например, в Смоленске [29]. В Пскове в слое XV в. обнаружены фрагменты сосудобразных изразцов с прямоугольной формой устья [30].

⁷ История приглашения в XVI в. европейских архитекторов и ремесленников исследована А.Л. Баталовым [35, 36].

⁸ Известны две музейные реконструкции печей из красных изразцов в Москве: первая (в настоящее время разобрана) – выставка «Русский изразец», ГИМ, 1980–1997 гг.; вторая – Старый Английский двор, 1980-е гг., авторы И.И. Казакевич, Е.П. Жаворонкова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Общества древнерусского искусства. М., 1874.
2. Borgmann R. Die Keramik in der Baukunst. Stuttgart, 1897.
3. Протоколы заседания ученой комиссии «Старая Москва» // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 402. Д. 5.
4. Овсянников Ю.М. Русские изразцы. Л.: Художник РСФСР, 1968.
5. Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яковлев Д.Е. Архитектурная керамика в декоре московского великокняжеского дворца в XVI в. // Русское искусство Позднего Средневековья XVI в.: тез. докл. междунар. конф. (Москва, 12–14 января 2000 г.). СПб., 2000. С. 6–9.
6. Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яковлев Д.Е. Архитектурная керамика в декоре московского великокняжеского дворца в середине XVI в. // Древнерусское искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 24: Русское искусство позднего Средневековья: XVI в. С. 120–129.
7. Беляев Л.А. «Бачини»: бытовая глазурованная керамика в архитектуре позднего Средневековья // Российская археология. 2007. № 3. С. 133–140.
8. Беляев Л.А., Кренке Н.А. Раскопки в Зачатьевском монастыре в Москве // Археологические открытия 2003 г. М., 2004. С. 149–152.
9. Седов Вл.В. Изразцы церкви Георгия со Взвоза в Пскове и готическая архитектура Заморья // Архитектурное наследие. М.: Эдиториал УРСС, 2011. Вып. 55. С. 25–38.
10. Баранова С.И. Московский изразец в пространстве городской культуры конца XV – XVII века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
11. Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в.: (О первых русских изразцах) // Древнерусское искусство. М.: Наука, 1975. Т. 9: Зарубежные связи. С. 282–317.
12. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: Изд-во МГОМЗ, 2013.

13. 1000-летие русской художественной культуры. М. : Schloss Gottorf, 1988.
14. Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. М. : Изд-во Всесоюз. Академии архитектуры, 1938. Вып. 1.
15. Плешанова И.И. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1963. Вып. 96. С. 113–115.
16. Спегальский Ю.П. Псковские керамические киоты // Избранные статьи. Псков, 2009. С. 48–51.
17. Филиппов А.В. Русские поливные изразцы XVI в. М. : Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1915.
18. Жизневский А. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 г. Тверь : Типография Губернского правления, 1888.
19. Рындина А.В. Историко-художественное значение изразцов Успенского собора в г. Дмитрове // Древнерусское искусство. М., 1970. Т. 5: Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV–XVI вв. С. 561–472.
20. Кавельмахер В.В., Чернышев М.Б. Древний Борисоглебский собор в Старице. М. : Моск. учеб., 2008.
21. Баранова С.И. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. С. 374–393.
22. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. : Наука, 1968.
23. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. : Изд-во МГОМЗ, 2012.
24. Strauss K. Die Kachelkunst des 15. bis 17. Jahrhunderts in europäischen Ländern. München, 1983. Bd. 3. Taf. 2–15.
25. Яковлева Л.П., Жегурова О.В. Изразцы в собрании Новгородского музея: Каталог выставки Великий Новгород : Моби Дик, 2006.
26. Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII в. // Советская археология. 1980. № 3. С. 142–161.
27. Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. Дворец в Полоцке // Краткие сообщения Института археологии. М. : Ин-т археологии АН СССР, 1981. Вып. 164. С. 95–98.
28. Паничева Л.Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка // Советская археология. 1981. № 3. С. 274–280.
29. Сергина Т.В. Изразцы XV–XVII вв. из раскопок в Смоленске // Тверь. Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1996. Вып. 1. С. 246–252.
30. Паничева Л.Г. Архитектурно-декоративная керамика позднесредневекового Пскова: (печные изразцы) // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П.А. Раппопорта). СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 169–171.
31. Дубынин А.Ф., Соболева Д.А. Археологические работы в Зарядье. Москва (1957–1961 гг.) // Краткие сообщения Института археологии. М., 1963. Вып. 96. С. 55–63.
32. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1991.
33. Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 3. С. 53–100.
34. Кренке Н.А. Надворные печи-очаги XVI в. из раскопок на Романовом дворе в Москве // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. С. 356–373.
35. Баталов А.Л. Итальянизирующая архитектура без итальянцев на Руси в XVI в. // Пинакотекa. 2003. № 16–17. С. 40–43.
36. Баталов А.Л. Литвины польской короны на службе московского царя: К постановке проблемы // Пинакотекa. 2005. № 1. С. 190–193.
37. История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. М., 1867.

Baranova Svetlana I. The Moscow State Integrated Museum-Reserve; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

STUDY ON THE GENESIS OF THE MOSCOW MEDIEVAL CERAMIC TILES.

Keywords: ceramic tile; genesis; terracotta; enamel.

The studies on Russian ceramic tiles (*izrazets*) from the very beginning of the XIX century were among other focused on the origin of this applied art form, which was often considered as a part of European art history. The genesis of the Russian medieval ceramic tile consists of few remarkable episodes, one of which is spreading of the terracotta relief tiles at the turn of XVI century. The old Russian monuments decorated with the terracotta were strongly influenced by the Italian architectural tradition. The other case is the development of enameled ceramics in medieval Russia. Enameled ceramic tiles in Muscovy (re)emerged as an architectural decoration in the middle of XVI century after the relatively long oblivion from the era of Kievan Rus. The enameled tiles on the St. Basil's Cathedral tabernacle (1561) and the ceramic icons of the Staritsa Cathedral (1558–1561) show the important impulses gained by Russian culture in that period. The latest archaeological excavations at the Moscow Kremlin made it possible to assume that in 1550s – 1560s there was a court ceramic workshop that produced enameled tiles. The important part of the Russian ceramic tiles genesis was the tiled stoves development. The end of the XVI century is signified with the so-called “red” Moscow ceramic tiles. It seems that during the XVI century Russian artisans were trying to implement ceramic tiles, that they were able to make, to the buildings' interiors (floors, early stove forms, perhaps wall coatings) as well as exteriors to show the owner's status. The genesis of the Moscow tile has a large, more than a century, stretching from the end of the XV century. There was a time when the tiles were brought to Moscow and to Russia from the western and south-western areas occasionally, although it is still unclear in what ways. Most likely, it was not the import of completed products, but rather a migration of skilled artisans equipped with technology, tools, and possibly printing forms for ceramic tiles. These cases were short, unrelated to each other and did not developed further, but they introduced decorative ceramics as a status item. As a result Russian ceramic tile was gradually transformed into a stable element of the national culture. A prerequisite for this was the organizational and technological readiness of Moscow potters to meet emerging demand among the court and the clergymen to adopt the “cultural code” of European cities.

REFERENCES

1. *Vestnik Obshchestva drevnerusskogo iskusstva* [Bulletin of the Society of Old Russian art]. 1874.
2. Borrmann, R. (1897) *Die Keramik in der Baukunst* [Ceramics in architecture]. Stuttgart: A. Bergsträsser.
3. Department of Written Records of the State Historical Museum. (n.d.) *Protokoly zasedaniya uchenoy komissii “Staraya Moskva”* [Minutes of the meeting of the Academic Commission “Old Moscow”]. Fund 402. File 5.
4. Ovsyannikov, Yu.M. (1968) *Russkie izraztsy* [Russian tiles]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
5. Evdokimov, G.S., Ruzaeva, E.I. & Yakovlev, D.E. (2000) [Architectural ceramics in the decoration of the Moscow Great Prince's palace in the 16th century]. *Russkoe iskusstvo pozdnego Srednevekov'ya XVI v.* [Russian art of the late Middle Ages: The 16th century]. Proc. of the International Conference. Moscow, 12–14 January 2000. St. Petesburg. pp. 6-9. (In Russian).

6. Evdokimov, G.S., Ruzaeva, E.I. & Yakovlev, D.E. (2003) Arkhitekturnaya keramika v dekore moskovskogo velikoknyazheskogo dvortsa v seredine XVI v. [Architectural ceramics in the decoration of the Moscow Great Prince's palace in the mid 16th century]. In: Dobrynina, E.N. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo* [Old Russian art]. Vol. 24. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 120-129.
7. Belyaev, L.A. (2007) "Bachini": bytovaya glazurovannaya keramika v arkhitekture pozdnego Srednevekov'ya ["Baccini": Household glazed ceramics in the architecture of the late Middle Ages]. *Rossiyskaya arkhеologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 133-140.
8. Belyaev, L.A. & Krenke, N.A. (2004) Raskopki v Zachat'evskom monastyre v Moskve [Excavations in Zachatyevsky Monastery in Moscow]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 2003 g.* [Archaeological discoveries 2003]. Moscow: Nauka. pp. 149-152.
9. Sedov, V.V. (2011) Izraztsy tserkvi Georgiya so Vzvoza v Pskove i goticheskaya arkhitektura Zamor'ya [Tiles from St. George Church in Pskov and Gothic architecture of Zamorie]. In: Bondarenko, I.A. (ed.) *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. Vol. 55. Moscow: Editorial URSS. pp. 25-38.
10. Baranova, S.I. (2014) *Moskovskiy izrazets v prostranstve gorodskoy kul'tury kontsa XV – XVII veka* [Moscow tiles in the urban culture in the late 15th – 17th centuries]. History Doc. Diss. Moscow.
11. Vygolov, V.P. (1975) Russkaya arkhitekturnaya keramika kontsa XV – nachala XVI v.: (O pervykh russkikh izraztsakh) [Russian architectural ceramics in the late 15th – early 16th centuries]. In: Popov, V.G. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo* [Old Russian art]. Vol. 9. Moscow: Nauka. pp. 282-317.
12. Baranova, S.I. (2013) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian tiles. Notes of a museum curator]. Moscow: MGOMZ.
13. Ryndina, A.V. (ed.) *1000-letie russkoy khudozhestvennoy kul'tury* [1000 years of Russian culture]. Moscow: Schloss Gottorf.
14. Filippov, A.V. (1938) *Drevnerusskie izraztsy* [Old Russian tiles]. Moscow: All-Union Academy of Architecture.
15. Pleshanova, I.I. (1963) Keramicheskoe nadgrobie iz Pskovo-Pecherskogo monastyr'ya [The ceramic tombstone of the Pskov-Caves Monastery]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii*. 96. pp. 113-115.
16. Spegalskiy, Yu.P. (2009) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Pskov. pp. 48-51.
17. Filippov, A.V. (1915) *Russkie polivnye izraztsy XVI v.* [Russian glazed tiles of the 16th century]. Moscow: A.I. Mamontov.
18. Zhiznevskiy, A. (1888) *Izraztsy na Staritskom sobore, postroennom v 1561 g.* [Tiles on Staritsa Cathedral built in 1561]. Tver: Typography of the Provincial Office.
19. Ryndina, A.V. (1970) Istoriko-khudozhestvennoe znachenie izraztsov Uspenskogo sobora v g. Dmitrove [Historical and artistic value of the tiles of the Assumption Cathedral in Dmitrov]. In: Podobedova, O.I. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo* [Old Russian Art]. Vol. 5. Moscow: Institute of Art History. pp. 561-472.
20. Kavelmaher, V.V. & Chernyshev, M.B. (2008) *Drevniy Borisoglebskiy sobor v Staritse* [The ancient Sts. Boris and Gleb Cathedral in Staritsa]. Moscow: Moskovskiy uchebnik.
21. Baranova, S.I. (2008) Novye dannye o rannikh vidakh moskovskogo keramicheskogo dekora [New data on the earliest types of ceramic decoration]. In: Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus'. Problemy arkhеologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archaeology. pp. 374-393.
22. Rozenfeldt, R.L. (1968) *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv.* [Moscow ceramic production of the 12th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
23. Baranova, S.I. (2013) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian tiles. Notes of a museum curator]. Moscow: MGOMZ.
24. Strauss, K. (1983) *Die Kachelkunst des 15. bis 17. Jahrhunderts in europaischen Ländern* [The tile art from the 15th to the 17th century in European countries]. München.
25. Yakovleva, L.P. & Zhegurova, O.V. (2006) *Izraztsy v sobranii Novgorodskogo muzeya: Katalog vystavki* [Tiles in the collection of the Novgorod Museum: The Exhibition Catalogue]. Velikiy Novgorod: Moby Dik.
26. Rappoport, P.A. (1980) Polotskoe zodchestvo XII v. [Polotsk architecture of the 12th century]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 3. pp. 142-161.
27. Rappoport, P.A. & Sholokhova, E.V. (1981) Dvoretz v Polotske [The Palace in Polotsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii*. 164. pp. 95-98.
28. Panicheva, L.G. (1981) Izraztsy i izraztsovy pechi pozdnesrednevekovogo Polotska [Tiles and tiled stoves in the late medieval Polotsk]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 3. pp. 274-280.
29. Sergina, T.V. (1996) Izraztsy XV–XVII vv. iz raskopok v Smolenske [Tiles of the 15th – 17th centuries from the excavations in Smolensk]. In: Khokhlov, A.N. & Khukharev, V.V. (eds) *Tver'. Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver. The Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. Tver: Staryy gorod. pp. 246-252.
30. Panicheva, L.G. (1996) Arkhitekturno-dekorativnaya keramika pozdnesrednevekovogo Pskova: (pechnye izraztsy) [Architectural and decorative ceramics in the late medieval Pskov (the stove tiles)]. In: Volkov, V.S. (ed.) *Problemy izucheniya drevnerusskogo zodchestva: (po materialam arkhitekturno-arkheologicheskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati P.A. Rappoport)* [The study of ancient architecture: (based on the architectural and archaeological readings dedicated to the memory of P.A. Rappoport)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 169-171.
31. Dubynin, A.F. & Soboleva, D.A. (1963) Arkheologicheskie raboty v Zaryad'e. Moskva (1957–1961 gg.) [Archaeological investigations in Zaryadie. Moscow (1957–1961)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii*. 96. pp. 55-63.
32. Rozenfeldt, R.L. (1991) *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv.* [Moscow ceramic production of the 12th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
33. Baklanova, N.A. (1926) Obstanovka moskovskikh prikazov v XVII v. [The situation in Moscow Prikazes (in the 17th century)]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*. 3. pp. 53-100.
34. Krenke, N.A. (2008) Nadvornye pechi-ochagi XVI v. iz raskopok na Romanovom dvore v Moskve [The street ovens of the 16th century from the excavations at the Romanov Dvor in Moscow]. In: Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus'. Problemy arkhеologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archaeology. pp. 356-373.
35. Batalov, A.L. (2003) Ital'yaniziruyushchaya arkhitektura bez ital'yantsev na Rusi v XVI v. [Italian-style architecture without the Italians in Russia in the 16th century]. *Pinakoteka – Pinakothek*. 16–17. pp. 40-43.
36. Batalov, A.L. (2005) Litviny pol'skoy korony na sluzhbe moskovskogo tsarya: K postanovke problemy [The Litvins of the Polish crown in the service of the Moscow tsar: to the problem]. *Pinakoteka – Pinakothek*. 1. pp. 190-193.
37. Erlezunda, de P. & Shemyakin, A.N. (1867) *Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom, proiskhozhdenii velikikh russkikh knyazey, nedavnikh smutakh, proizvedennykh tam tremya Lzhedmitriyami, i o moskovskikh zakonakh, npravakh, pravlenii, vere i obryadakh, kotoruyu sobral, opisal i obnarodoval Petr Petrey de Erlezunda v Leyptsige 1620 goda* [The history of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent turmoils organized there by three False Dmitry, and Moscow laws, customs, direction, faith and ceremonies gathered, described and made public by Petr de Erlezunda in Leipzig in 1620]. Moscow: Katkov and K.